

Борис Петрович Козьмин

НИКОЛАЙ I И МАДЗИНИ В 1854 Г.

Из истории общественных движений и международных отношений

Сб. статей в память академика Е.В.Тарле

М.: изд-во АН СССР. 1957. С.437-444

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2012

Ссылки на тематические материалы даны нами после текста статьи

Сопоставление этих двух имен не может не показаться более чем неожиданным. Между российским императором, убежденным, что само провидение возложило на него священный долг вести неустанную борьбу с «революционной заразой», где бы и в каких бы формах она ни проявлялась, и итальянским революционером, страстным конспиратором, поставившим целью своей жизни освобождение своей родины от австрийского и папского гнета, ничего общего, помимо взаимной ненависти, не было. Однако на один исторический момент жизненные пути этих двух людей сошлись, правда, только для того, чтобы тут же снова разойтись в диаметрально противоположные стороны.

Об этом известно из воспоминаний человека, которому Мадзини лично рассказывал о своих сношениях с Николаем I. Хотя эти воспоминания были напечатаны более 45 лет тому назад в таком распространенном журнале, как «Русская старина», они прошли незаметно. Никто из писавших о Крымской войне, ко времени которой относится рассказанный Мадзини эпизод, не обратил, как это ни странно, на них внимания. А между тем этот эпизод весьма характерен и показателен, как дополнительное к другим свидетельствам растерянности и отчаяния, до которых дошел Николай I в результате неудачного хода Крымской войны.

Автором воспоминаний, о которых идет речь, был известный термехимик, профессор Московского университета Владимир Федорович Лугинин (1834—1911).

Необходимо дать некоторое представление об этом выдающемся и своеобразном человеке; это объяснит нам его встречу с Мадзини и доверие, оказанное ему итальянским заговорщиком, рассказавшим Лугинину о переговорах, происходивших в глубочайшей тайне.

В. Ф. Лугинин принадлежал к богатому дворянскому роду, владевшему обширнейшими поместьями на Севере России¹. Родители предназначали ему военную карьеру. Он блестяще окончил артиллерийскую академию и по производстве в офицерский чин был отправлен в Севастополь, в обороне которого принимал участие в качестве артиллерийского офицера. Неудачный исход войны и обнаруженные ею воочию темные стороны русской жизни того времени превратили Лугинина, как и многих его современников, в противника неограниченной царской власти. Вскоре после войны он вышел в отставку и, поселившись в Петербурге, сблизился с оппозиционно настроенными кругами русского общества. По некоторым данным, нуждающимся, однако, в проверке, Лугинин был причастен

¹ См. о нем подробнее в моей статье: Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». «Литературное наследство», 1941, т. 41—42, стр. 20—21 и др.

к изданию в 1861 г. нашумевших тогда прокламаций «Великорусс»². Имеются также сведения, что он был выведен Чернышевским в романе «Что делать?» под фамилией Нивельзина³. Автор романа с симпатией относится к этому персонажу, не причисляя, однако, его к своим единомышленникам. В марте 1862 г. Лугинин уехал за границу с целью посвятить себя научной деятельности и не возвращался на родину до 1867 г. Поступив для изучения химии в Гейдельбергский университет, Лугинин, пользуясь довольно свободным режимом, установленным для слушателей Гейдельбергского университета, часто посещал Лондон, где познакомился с Герценом. По собственному свидетельству Лугинина, его привлекла блестящая личность издателя «Колокола», а не его политические взгляды, которых Лугинин не разделял. Дело в том, что ко времени знакомства с Лугининым Герцен становился на все более последовательные революционные позиции, изживая прежние либеральные колебания и иллюзии. Лугинин же не верил в возможность революции в России и с опасением относился к народным движениям⁴. Несмотря на идейные расхождения, существовавшие между Герценом и Лугининым, последний был близким человеком в семье Герцена и одно время даже считался женихом его старшей дочери.

В доме Герцена Лугинин познакомился с М. А. Бакуниным, незадолго до того бежавшим из Сибири. Бакунин в отличие от Герцена произвел на Лугинина отрицательное впечатление. От Бакунина Лугинин узнал, что Гарибальди задумывает совершить высадку в южной Италии для похода на Рим и в связи с этим нуждается в артиллеристах. Бакунин предложил Лугинину как человеку, хорошо знакомому с артиллерийским делом, принять участие в походе. Будучи поклонником Гарибальди, Лугинин согласился и в сопровождении Бакунина отправился для переговоров к Мадзини, жившему тогда в Лондоне. О своем свидании с итальянским заговорщиком Лугинин рассказал в 9-й книжке «Русской старины» за 1910 г.

По словам Лугинина, Мадзини сочувственно выслушал его и снабдил необходимыми инструкциями и письмами к итальянским революционерам, которые должны были помочь ему добраться на остров Капреру, где тогда жил Гарибальди. Однако Лугинину не удалось принять участие в походе: у него не хватило денег на поездку в Италию, Герцен же, вопреки расчетам Бакунина, отказался снабдить Лугинина средствами.

Закончив рассказ о своих переговорах с Мадзини, Лугинин продолжал: «Он рассказал нам, т. е. Бакунину и мне, чрезвычайно интересный эпизод... Во время Восточной войны он получил от императора Николая Павловича предложение начать политическое движение в Ломбардо-Венецианских областях Австрии. Не знаю точно, к какому времени это предложение относится, но, очевидно, что император Николай уже предпочитовал в Австрии противника и готовил ему диверсию. Одно условие, поставленное императором Николаем Павловичем для ссуды Мадзини очень значительной суммы, кажется, нескольких миллионов, было, чтобы движение имело характер монархический, и на этом условии все дело не состоялось. Мадзини ставил непременно условием, чтобы предполагаемое движение имело республиканский характер, а император Николай, напротив, соглашался оказать поддержку Мадзини только в том случае, если

² Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминания прошлого. М.—Л., 1934, стр. 310, 723—724, а также воспоминания А. А. Слепцова, опубликованные в XVI томе Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена, стр. 72.

³ Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч.

⁴ См. В. П. Козьмин. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». стр. 20—21.

оно будет сделано в пользу монархии, именно — Савойского дома... На этом дело и расстроилось».

«Мадзини говорил нам,— продолжает Лугинин,— что он не имел никакого предубеждения противу действия совместно с императором Николаем и что он готов был действовать с кем угодно, лишь бы это было в пользу Италии и против коренных врагов Италии, против Австрии и папы. Мадзини окончил свой любопытный рассказ, назвав и того главного агента, чрез которого все эти переговоры происходили; это был знаменитый в то время итальянский певец, тенор итальянской оперы в Петербурге Тамберлик».

«Мое первое впечатление, услышав это имя,— заключает свой рассказ Лугинин,— было удивление, но короткого размышления было достаточно для того, чтобы согласиться с Мадзини, что выбор Тамберлика тайным агентом при этих переговорах, требовавших полной тайны и большой ловкости, был бы очень удачен. К этому должен добавить, что как личность Мадзини, так и та обстановка, при которой он рассказывал нам этот эпизод совершенно исключает возможность какой-либо неправды»⁵.

Добавим со своей стороны, что личность Лугинина исключает, по нашему мнению, возможность сомневаться в правдивости его передачи рассказа Мадзини.

Попробуем теперь уточнить, к какому времени относится эпизод, переданный Мадзини. Полагаем, что при этом удастся еще более подтвердить правдивость его рассказа.

Укажем прежде всего, что этот эпизод мог произойти только в 1854 г., т. е. пока Сардиния еще не вступила в войну против России, что, как известно, случилось в январе 1855 г.

Отметим также, что спектакли итальянской оперы в Петербурге в 1854 г. были по обыкновению прерваны весной до осени и возобновились в конце сентября⁶.

Развитие политических и военных событий дает основание предположить, что переговоры между Николаем I и Мадзини состоялись после возобновления спектаклей итальянской оперы.

В 1853 г., когда назревал конфликт между царским правительством и Турцией, приведший к Крымской войне, Николай I был непоколебимо уверен, что в лице австрийского императора Франца-Иосифа он имеет преданнейшего друга. Основываясь на помощи, оказанной Габсбургам в подавлении революции 1848 г., русский император рассчитывал, что в разгоравшейся войне Австрия окажется если не союзником России, то по крайней мере государством, придерживающимся благожелательного по отношению к ней нейтралитета. Однако его ждало жестокое разочарование. Австрийская политика определялась, с одной стороны, нежеланием допустить расширения влияния царизма на Балканском полуострове, а с другой, страхом перед Наполеоном III. Французский император неоднократно давал понять австрийскому правительству, что если Австрия не станет поддерживать противников России, то это приведет к войне в Ломбардии и Венецианской области, и что французы помогут сардинскому королю изгнать оттуда австрийцев. Николай I знал об этом и летом 1853 г. через своего посла в Вене Мейендорфа обещал Францу-Иосифу прислать на помощь Австрии, если она подвергнется нападению в Италии, шесть корпусов⁷.

⁵ В. Лугинин. Свидание с Мадзини. «Русская старина», 1910, № 9 стр. 487—488.

⁶ «Отечественные записки», 1854, № 12, стр. 39 («Петербургские записки»).

⁷ Е. В. Тарле. Крымская война, т. I. М.—Л., 1950, стр. 243.

В начале 1854 г. в Вену был направлен А. Ф. Орлов с специальной миссией добиться по меньшей мере благожелательного по отношению к России нейтралитета со стороны Австрии. Хотя он предложил австрийскому правительству взамен нейтралитета поручительство России в неприкосновенности австрийских владений, миссия его успехом не увенчалась. Франц-Иосиф категорически отказался гарантировать нейтралитет Австрии. Орлов объяснял это его страхом перед французским правительством, которое легко могло изгнать австрийцев из Ломбардии и Венеции.

Тем временем Австрия сосредоточивала свои войска на русской границе, доведя численность их до двухсот пятидесяти с лишним тысяч человек. А это отвлекало значительные вооруженные силы царизма от театров военных действий, где были необходимы для борьбы с Турцией, особенно от Крыма.

«От былых иллюзий насчет Австрии царь излечился, хоть и поздно, но радикально», — пишет Е. В. Тарле, имея в виду лето и осень 1854 г.⁸ Действительно, в августе этого года негодовавший на Франца-Иосифа за его «измену» Николай I писал: «Ничего доброго не ожидаю от Австрии, тем более, что скоро наступит время, где нам необходимо будет требовать ответа в их коварстве. Потому мы должны быть так готовы, чтоб требуемый отчет в их мерзостях упирался на грозную армию, готовой (sic!) их наказать. Пройдут сентябрь и октябрь в отдыхе и справке и комплектовке. В ноябре мы должны быть готовы во всем»⁹.

Эти слова показывают, что царь был готов перейти к активным действиям против Австрии. Однако дальнейшие события развернулись так, что Николаю было уже не до борьбы с Австрией.

В сентябре произошла высадка союзных войск в Крыму и неудачное для России сражение при Альме, а в октябре состоялась первая бомбардировка Севастополя, во время которой погиб адмирал Корнилов; в октябре же было проиграно по бездарности русского командования сражение при Инкермане. Если после высадки союзников в Крыму «тревожное чувство» овладело, по свидетельству современника, «почти всем Петербургом», то поражение при Инкермане произвело еще более тягостное впечатление. Достаточно вспомнить, что сам главнокомандующий царскими войсками в Крыму Меншиков впал в панику и утверждал неминувость не только падения Севастополя, но и потери Россией всего Крыма! Да и сам царь был близок к этой мысли. 10 ноября он писал М. Д. Горчакову: «Что всего ужаснее, запас пороха до того истощается, что скоро нечем будет отстреливаться! Вот конец, который предвидеть должно Севастополю, сколь ни тяжело это высказать»¹⁰. Не только придворные, но и люди, весьма далекие от двора, свидетельствуют, как болезненно переживал события того времени Николай I; он не мог не понимать, что на него в первую очередь падает ответственность за неудачи нашей армии, что вся его политическая система оказалась несостоятельной. А. М. Скабичевский в своих воспоминаниях пишет: «13 ноября 1854 г., возвращаясь домой с родными из театра, я обратил внимание на высокую фигуру, медленно двигавшуюся по Дворцовой набережной в полном одиночестве. Лодочник, перевозивший нас через Неву, сообщил нам, что это — царь, что каждую ночь он по целым часам ходит взад и вперед один по набережной»¹¹. В такие бессонные

⁸ Е. В. Тарле. Указ. соч., т. II, стр. 295.

⁹ Там же, стр. 301.

¹⁰ Там же, стр. 123, 198, 314.

¹¹ А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. 1928, стр. 67.

одинокие ночи у Николая I было достаточно времени, чтобы убедиться в допущенных им губительных ошибках.

Николаю I было известно, что 23 ноября Наполеон III предъявил Австрии ультиматум: или немедленное подписание договора с западными державами или же полный разрыв с ними; при этом Австрии недвусмысленно было дано понять, что ее отказ от союза с Францией и Англией приведет к осложнениям в Ломбардии и Венеции, где Франции будет трудно сдерживать итальянские народные массы, «если уже огонь загорится». Австрия была вынуждена согласиться на требование Наполеона III, взамен чего она получила гарантию неприкосновенности своих границ, включая итальянские области.

Уже летом 1854 г. не только для Николая I, осведомленного во всех тайнах дипломатической переписки, но и для такого далекого от дипломатических сфер человека, каким был историк М. П. Погодин, выяснилась невозможность рассчитывать на добрые чувства Австрии. В одной из своих политических записок, предназначенных для Николая I, но в списках получивших широкое распространение в русском обществе, этот апологет монархии Николая I писал (в августе 1854 г.): «Нет врага России столь лютого, как Австрия. С Англией мы можем сторговаться, с Францией сговориться; с австрийцами можно кончить дело с бою, т. е. смертью». И далее Погодин продолжал: «...Мера терпения даже и нашего исполнилась. Война с Австрией, говорят, скоро объявится. Нам остается только пожалеть, что мы потеряли год драгоценного времени и увеличили понапрасну свои затруднения»¹². Еще ранее только что цитированной записки Погодин написал другую, в которой оспаривал опасения людей, страшившихся, что война развяжет революцию в Австрии. По его мнению, такая революция была бы только выгодна для России. Легитимистские традиции политики Николая I, его преклонение перед монархическим принципом, его ненависть к революции не должны, по мнению Погодина, смущать правительство.

«Государь, — писал Погодин, — не может идти, говорят, против того порядка, который он сам поддерживал и устанавливал в продолжение тридцати лет. Но разве этот порядок остался с ним? Этот порядок изменил ему, предал его, вооружился против него и поставил в такое критическое положение Россию, в каком она никогда не бывала, гладить по головке этот законный, австрийский порядок — противно всякой логике. Мы должны жертвовать своими обязанностями и выгодами для отвращения революции от европейских государств, кои сами ее накликают на себя... Чёрт с вами, если вы того хотите!» И далее Погодин доказывает, что угнетенные Турцией и Австрией народы имеют такое же полное право восстать против своих угнетателей, какое русские имели восстать против татар. Погодин выступает даже в роли проповедника общей европейской национально-освободительной и революционной войны. Надо «поднять Турцию, поднять Австрию, поднять Грецию, поднять Польшу, а Италия поднимется сама, может быть и Франция: вы хотели войны — так вот вам она»¹³.

К этой же мысли о всеобщем восстании угнетенных народов Европы Погодин возвращается в другой записке, написанной в ноябре 1854 г. Здесь он прямо говорит о необходимости для царского правительства возбудить восстание в Венгрии и в итальянских областях Австрии. Ни Кошут,

¹² М. П. Погодин. Соч., т. IV. Историко-политические письма и записки. М., 1874, стр. 224, 230.

¹³ М. П. Погодин. Указ. соч., стр. 198—200.

ни Мадзини не пугают его в роли союзников. «Хоть бы пёс, да яйца нёс!» — пишет он ¹⁴.

В ряде записок Погодин оспаривал мнение тех, кто видел в европейской революции опасность для России.

«Всякая революция,— писал он,— обуславливается историей той страны, где происходит. Революции не перенимаются и происходят каждая на своем месте, из своих причин... Россия представляет совершенно противоположное государство западным... Семян западной революции в России не было, следовательно мы не должны были бояться западных революций» ¹⁵.

В полном противоречии с традиционной политикой Николая I, всемерно оберегавшего Россию от проникновения в нее западных революционных идей, Погодин теперь пишет: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев. Ледрю Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Мадзини не перешатнется никто, а Стенька Разин лишь кликну клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности» ¹⁶.

Как видим, Погодин усердно наталкивал императора на мысль о необходимости опереться на революционные партии Европы. При этом важно отметить, что, по свидетельству самого Погодина, Николай «не только с благоволением, но даже с благодарностью», читал его записки ¹⁷.

Таким образом, мысль о революции на Западе как об опоре для проведения своей политики, ранее представлявшаяся царю столь чудовищной, находила теперь к нему доступ.

Сперва Николай I допускал эту мысль в весьма ограниченной форме. Составляя в феврале 1854 г. план военных действий, царь счел нужным учесть возможность новых осложнений в империи Габсбургов. «Весьма может быть,— писал он,— что успехи наши возбудят бунты в Венгрии; препятствовать сему мы не в состоянии. Не станем и разжигать бунтов, но *пользоваться ими будем* в том смысле, что, угрожая сердцу австрийской империи, они скорее побудят правительство принять условия наши к примирению» ¹⁸.

Как видим, в начале 1854 г. Николай I был еще далек от мысли о том, чтобы призывать венгров к восстанию, но уже ставил вопрос об использовании в своих интересах их выступления, если они вспыхнут сами собой, независимо от его воли и помимо его вмешательства.

Николай I, конечно, знал, что во всех концах Австрии имеется значительное количество элементов, стремящихся к национальному освобождению: венгры на востоке, итальянцы на западе, славяне на севере и юге. В августе 1853 г. русский посол в Австрии Мейендорф сообщал: «Внутреннее состояние этой страны не улучшается, и революция бродит повсюду с тех пор, как возможность войны на востоке пробудила надежды красной демократии» ¹⁹. Чем дальше развивались события, тем больше разгорались эти надежды. Весьма характерно, что в августе 1854 г. прусский король Фридрих-Вильгельм IV писал Николаю I: «Известие об усилении революционного духа во всей Европе становится со дня на день все более серьезным. Оно чувствуется даже в Пруссии и особенно в Берлине, хотя

¹⁴ М. П. Погодин. Указ. соч., стр. 279.

¹⁵ Там же, стр. 202.

¹⁶ Там же, стр. 262.

¹⁷ Там же, стр. 271.

¹⁸ Е. В. Тарле. Указ. соч., т. I, стр. 433. (Курсив наш.— Б. К.).

¹⁹ Там же, стр. 30.

Пруссия еще пользуется более крепким «здоровьем», чем другие страны. Думаю, что я не ошибаюсь, что страшные опасности от возрождающейся революции могут быть побеждены только сотрудничеством России с Австрией и Пруссией»²⁰.

Однако Николай I отнюдь не собирался заниматься тушением революционного пожара. Он сознавал, что на это у него не достанет сил. Наоборот, в соответствии с советами Погодина, он не мог не думать об использовании в своих интересах революционных сил.

В этих его раздумьях мысль неизбежно должна была останавливаться на северной Италии и на Мадзини. Дело в том, что последний пользовался в то время весьма широкой известностью в качестве революционера, развивавшего наибольшую активность. Присущая ему, по словам Энгельса, «абстрактная страсть к восстаниям»²¹ беспрерывно толкала его все на новые революционные конспирации и попытки поднять восстания в Италии. Николай I не мог не знать, что еще в феврале 1853 г. приверженцы Мадзини сделали отчаянную попытку овладеть Миланом. «Горсть миланцев геройски штурмовала замок и проникла в него. Однако повстанцы, несведущие в военном деле, вместо того, чтобы захватить составленные в козлы ружья, занялись пушкой, совершенно ненужной. Тут их захватили врасплох»²².

Подавленное австрийцами восстание в Милане, по выражению Маркса, «достоинно удивления, как героический акт небольшой группы пролетариев, которые, будучи вооружены лишь ножами, осмелились напасть на цитадель и на сорокатысячную армию». Одновременно Маркс указывал, что это восстание «замечательно, как симптом приближающегося революционного кризиса на всем европейском континенте»²³.

И после неудачи восстания в Милане Мадзини продолжал активную революционную работу. Он задумал новое восстание, начав его летом 1854 г. одновременно в нескольких местах. Правда, этот план успехом не увенчался, тем не менее по донесениям своих дипломатических агентов Николаю I было известно о продолжающейся революционной активности Мадзини.

Мадзини, как и другим итальянским патриотам, обстановка для восстания представлялась в то время весьма благоприятной. Они учитывали, что значительные вооруженные силы Австрии были сосредоточены на русской границе.

В обращении к итальянским патриотам, датированном 15 сентября 1854 г., Мадзини писал: «Братья, если при нынешних обстоятельствах, когда идет война, ограничивающая военные силы, которыми может располагать Австрия и которые находятся на нашей территории, итальянцы не будут действовать, то мы окажемся нацией трусов, и этим именем нас будут называть во всей Европе»²⁴.

Задумывая восстание в Северной Италии, Мадзини и его сподвижники должны были поставить перед собою и вопрос о средствах борьбы. Один из виднейших итальянских революционеров, близко связанный с Мадзини, Феличе Орсини в своих воспоминаниях писал об этом времени: «Против австрийских угнетателей, которые без колебания нарушают всякую клятву, всякий закон справедливости, которые являются жестокими насильниками

²⁰ Е. В. Тарле. Указ. соч., т. II, стр. 305.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 459.

²² Ф. Орсини. Воспоминания. М., 1934, стр. 165.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 107.

²⁴ Ф. Орсини. Указ. соч., стр. 207.

в нашей стране, мы по всей справедливости *можем применить все доступные нам средства*, чтоб освободить нашу страну от тирании, так долго угнетавшей ее»²⁵. От этих рассуждений было уже недалеко до решения воспользоваться в интересах освобождения и объединения Италии содействием такого врага Австрии, каким к осени 1854 г. сделался царь Николай.

Все изложенное дает основание датировать переговоры русского императора с Мадзини этим именно временем. К осени 1854 г. уже имелись налицо все предпосылки, необходимые для таких переговоров. При этом не исключена возможность, что Николай I воспользовался летним перерывом спектаклей итальянской оперы для того, чтобы поручить Тамберлику во время его пребывания весной и летом в Западной Европе прощупать отношение Мадзини к таким переговорам, если они будут начаты. Характерно, что еще 19 мая 1854 г. Мадзини сообщал одной своей корреспондентке, что некоторые пьемонтские газеты развлекаются распространением слухов о его договоренности с царем²⁶.

В тяжелую минуту своей жизни Николай I сумел сдерживать ненависть к западной революции, но, как показали результаты его переговоров с Мадзини, даже в этом случае он не отказался от поддержки монархического принципа. Итальянская республика страшила его. Были у Николая I и иные соображения, по которым она не устраивала его. Он стремился предотвратить вступление Сардинского королевства в войну. При таких условиях Ломбардия и Венецианская область должны были явиться как бы платой Сардинии за ее нейтралитет. Все это и привело к неудаче переговоров: Николай I не учел того, что Мадзини занимал твердую республиканскую позицию и не желал идти на сделку с сардинским правительством.

Герцен в «Былом и думах» упоминает о случае, происшедшем с неизвестным английским публицистом середины прошлого века Давидом Уркхартом, прославившимся ярким туркофильством и маниакальной ненавистью к России. Герцен описывает, какой гомерический взрыв хохота вызвал Уркхарт на одном из митингов заявлением, будто Мадзини работает на пользу царя, будучи подкупленным им. Аудитория не дала Уркхарту продолжать речь²⁷.

Владела ли в данном случае Уркхартом его обычная навязчивая идея о кознях России, или же до него дошли какие-то слухи о сношениях Николая I с итальянским заговорщиком, решить трудно. Однако его выступление должно быть учтено исследователями при дальнейшем изучении вопроса, поставленного в настоящей статье.

Эта статья имеет своей задачей только предварительную постановку проблемы о сношениях Николая I с Мадзини. Историкам необходимо продолжить ее изучение, привлекая для этой цели не только литературные, но и архивные, как русские, так и итальянские источники. Рассказ Лугинина, напомнить о котором мы имели в виду, не может не привлечь к себе внимания историков, изучающих Крымскую войну и внешнюю политику Николая I.

²⁵ Ф. Орсини. Указ. соч., стр. 212—213. Курсив наш. Б. К.

²⁶ Mazzini. Opera, vol. LII. 1923, p. 125.

²⁷ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке, т. XIV, стр. 305.

Материалы о Рисорджименто:

Феличе Орсини. Мемуары (с комментариями и статьей *Г.Сандомирского*)
М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.
М.Ковальская. Итальянская революция 1831 г. и Франция
М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.
В.Невлер. К истории воссоединения Италии
М.Ковальская. Дж. Г. Байрон и карбонарское движение
К.Кирова. Французские революции (1789-1848 гг.) и итальянские умеренные либералы (1830-1860 гг.)
К.Кирова. Концепции итальянской революции в ранних работах Мадзини (1831-1833 гг. Первый период «Молодой Италии»)
К.Кирова. Социально-политические взгляды Дж.Гарибальди
Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто
Дж.Берти. Социалист-утопист 40-х годов XIX века Микеле Фодера
Б.Козьмин. Николай I и Мадзини в 1854 г.
В.Невлер. Н.А.Добролюбов и борьба за воссоединение Италии
И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто

см. соответствующий тэг в нашем сообществе

<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=3337656>

подборки текстов

о Мадзини <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

о Гарибальди <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>